

VII. Государственная власть [15].

Вопрос о государственной власти так тесно связан с вопросом о собственности, что, говоря о последней, мы были вынуждены говорить и о развитии первой. Теперь мы не будем возвращаться к этому, а ограничимся разбором современной нам формы власти – той, которая основана на всеобщем избирательном праве и законе большинства.

Мы уже видели, что легенда о божественном происхождении собственности и власти исчезла, и что буржуазии пришлось искать для них другое, более прочное основание. Она сама содействовала уничтожению «божественного права», сама помогала борьбе против права сильного; на место его она постаралась, прежде всего, поставить силу денег, в форме известного ценза для права выбора в палату, т. е. такого порядка, при котором избирателями могли быть только люди, платившие известную сумму налогов. Позже стали говорить о том, чтобы присоединить к этим избирателям еще и людей «способнейших»: это было требование разорившейся части буржуазии. Но все это не могло долго тянуться: раз только государственная власть становилась предметом обсуждения, она уже теряла часть своей силы; те, которые раньше не участвовали в выборе правителей, начинали также требовать права голоса в этом вопросе.

Буржуазия боялась народа и не соглашалась ни на какие уступки; власть была в её руках и ей хотелось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщего избирательного права, рабочим пришлось прибегнуть к революции. Но те буржуа, которым они при этом дали в руки власть, прежде всего поспешили урезать, по возможности, приобретенные народом права, с целью как-нибудь обуздать это чудовище, которое, как им казалось, вот-вот поглотит их. Лишь долгое время спустя, лишь увидав на практике, как функционирует это новое право, они поняли, что оно не грозит никакой опасностью их привилегированному положению, что оно – не больше как инструмент, на котором нужно только уметь играть, и что этот знаменитый орган рабочих требований, который рабочие уже считали своим достоянием, (ведь они купили его ценой своей крови!) есть в сущности лишь усовершенствованное орудие господства, порабащающее людей, которые им пользуются, в то время как сами они, наоборот, думают, что освобождаются.

Что такое в самом деле всеобщее избирательное право, как не право управляемого выбирать того человека, который будет им управлять, право выбирать ту розгу, которая будет его сечь? Избиратель свободен... в выборе себе господина, но он не имеет права не хотеть никакого господина, потому что иначе им будет править тот, кого выберут его соседи. В тот момент, когда он упустил в урну свой избирательный бюллетень, он подписал свое отречение: он должен теперь подчиняться всем капризам избранных им правителей; они будут создавать законы, будут прилагать их к нему, а если он будет противиться –

посадят его в тюрьму.

Мы не имеем намерения ни критиковать здесь систему всеобщего избирательного права, ни рассматривать все те поправки, которые стремятся в нее внести с целью заставить выборных исполнять свои обещания и таким образом оградить избирателя от их капризов и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы нас слишком далеко, да кроме того и не имело бы для нас значения, потому что мы хотим показать, что ни власти большинства, ни власти «божественного права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кроме своей собственной воли. Кроме того, если мы разберем механизм правления большинства, то увидим, что нами в сущности управляет даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое из состава другого меньшинства, которое, в свою очередь, есть опять-таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первых, права принимать участие в голосовании лишены, совершенно произвольно, женщины и дети, которые, однако, подчиняются законам, как и все. Если, кроме того, мы вычтем всех тех, кто по тем или другим причинам не пользуется этим «правом», то у нас останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способным выбирать правителей для всех.

Во-вторых, когда происходят выборы, то, теоретически, вопрос о том или другом избранном должен зависеть от решения большинства; на практике же всегда бывает несколько – шесть, восемь, десять и иногда и больше – кандидатов, и голоса избирателей распределяются между ними, не говоря уже о тех избирателях, которые, не находя среди толпы кандидатов представителя своего мнения, подают голос в противоречии сами с собой. Таким образом, избранный является здесь представителем опять-таки меньшинства, уже второго.

В-третьих, когда избранные соберутся вместе, то, теоретически, вопросы должны точно также решаться среди них большинством, но на практике и здесь мнения дробятся на множество групп и подразделений и, в результате, решающий голос остается за маленькими кучками честолюбцев, которые держатся посередине между крайними мнениями и отдают свои голоса то тем, то другим, смотря по тому, что для них оказывается более выгодным.

Мы видим, таким образом, к каким скромным размерам сводится пресловутое всемогущество избирателя; заметим при этом, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопрос и предположили, что каждый поступает честно и последовательно. Если же мы примем в расчёт все связанные с этим интриги, обманы, личные расчёты, если мы вспомним, что, прежде чем стать окончательными, проекты законов должны пройти через другое законодательное собрание – Сенат, избираемый другой категорией избирателей, если мы подумаем о том, что в Палате находится пятьсот с лишним депутатов, а каждый избиратель выбирает только одного, так что его воля представляет не более, как одну-пятисотую общей воли, да и то Сенат может ее еще сократить, то мы увидим, что участие каждого в управлении так ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имеет еще и другие вредные последствия в том отношении, что оно ведет к царству ничтожества и посредственности. Мы сейчас это докажем.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже поэтому одному имеет за себя вначале только меньшинство. Широких умов, способных ее воспринять и стать её защитниками, бывает очень немного. Это – общеизвестная истина, из которой прямо следует, что люди действительно развитые и обладающие широким умом всегда бывают в меньшинстве. Большинство же стоит за средние, общепринятые идеи и выбирает того депутата, который, именно с целью быть избранным, старается не идти наперекор предрассудкам и привычным взглядам избирателей. Чтобы сгруппировать вокруг себя как можно больше лиц, ему нужно, наоборот, сгладить некоторые острые углы и приготовить целый запас общих мест для разговоров с теми, чьих голосов он добивается. Чтобы не испугать их, ему придется показаться еще глупее, чем они, и чем он будет бесцветнее, ничтожнее и посредственнее, тем больше будет у него вероятности быть избранным.

Посмотрите на то, как идет жизнь всевозможных обществ – комитетов, профессиональных рабочих союзов, обществ взаимопомощи, различных обществ художников, литераторов и т. п.: в их иерархической организации, основанной на избрании, все должности оказываются занятыми наиболее посредственными личностями – такими, которые стоят ниже других по своему тщеславию, желанию выдвинуться и стать известными или создать себе положение на счет других, по своей большей или меньшей склонности к интригам. Всякий независимый ум, стремящийся только к осуществлению своего идеала, всегда будет неприятно поражать тех многочисленных людей, которые следуют только рутине, и всегда такие люди будут его травить. Тому, кто ищет правды и стремится к её распространению, некогда унижаться до мелких закулисных интриг, и его всегда побьет в избирательной борьбе тот, кто не имеет за душой ничего своего, живет общепринятыми идеями и поэтому очень легко может сгладить различные острые углы (которых у него, впрочем, и нет), так чтобы не вооружать против себя никого. Чем больше мы будем стремиться удовлетворить всех, тем ниже должен будет быть уровень наших идей, тем полнее должны мы будем отбросить все новое и оригинальное, тем наши мысли будут ничтожнее, бледнее и посредственнее. Вот к чему сводится вся избирательная система; это – ничто иное, как натянутая ослиная шкура, издающая звук только тогда, когда ее хотят заставить звучать.

К несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критике, что ее уже осуждают и осмеивают, самый принцип еще крепко держится в наших нравах. Люди так привыкли, чтобы ими руководили, что им кажется, что они пропадут, если только не будет никого, кто бы вел их на помочах[16]. Они так привыкли встречать во всех случаях жизни жандарма, мэра, надоедливых и грубых чиновников, лисьи физиономии полицейского и судьи, что приспособились в конце концов к этому отвратительному общению и стали думать, что все это – учреждения, конечно, неприятные, которые при случае недурно как-нибудь надуть, но обойтись без них нечего даже и думать, потому что тогда человечество сразу погибло бы. Странное противоречие человеческого ума! Люди с неудовольствием переносят эту власть, насмехаются над ней, стараются где возможно обмануть ее – и вместе с тем считают себя погибшими, как только речь заходит об её уничтожении! Все, должно быть, зависит от привычки.

Это тем более нелогично, скажем больше: тем более бессмысленно, что для каждого отдельного человека идеал *хорошего* правительства, это – такое правительство, которое бы он всегда мог прогнать, если только оно помешает ему делать что он хочет. И вот для того-то, чтобы подделаться под этот идеал, буржуазия и выдумала так называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики так популярна среди рабочих, если, несмотря на столько разочарований, они все-таки смотрят на всеобщее избирательное право, как на орудие своего освобождения, то это происходит от того, что им внушили, что, заменив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут заменить угнетающую нас систему эксплуатации другим общественным строем, который даст всем довольство и счастье. Это – глубокая ошибка – ошибка, благодаря которой разным интригам удастся увлечь рабочих на путь достижения якобы реформ, которые нисколько не могут изменить их положения, а только приучают их ждать всего от перемен в составе лиц того, созданного для нашего угнетения, механизма, который называется Государством. Эта ошибка повела к тому, что во всех революциях различные интриганы обращали в свою пользу победу народа, занимали синекуры[17] прежних правителей, снесенных революционной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоров, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, заставляли замолчать и подчиняться тех самых наивных людей, которые имели глупость предоставить им власть.

Сколько в человеческом уме гнездится противоречий! Когда мы рассуждаем с людьми более или менее разумными, то они часто готовы бывают согласиться с тем, что «если бы все люди вели себя как следует, то не было бы надобности в правительстве; мы сами, пожалуй, обошлись бы и без него. Но, к несчастью, не все люди таковы: нашлись бы такие, которые захотели бы злоупотребить своей силой для угнетения других, жить на их счет и ничего не делать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы их образумить». Другими словами, это значит, что, взятые все вместе, люди слишком дурны, чтобы суметь между собой столкнуться, но что взятые в отдельности, или кучками, они сумеют управлять другими; поэтому нужно поскорее облечь их властью, которая дала бы им возможность заставить себе повиноваться. Бедная логика! Чего только не делает с тобой человеческий ум!

Как будто бы люди, правящие другими, не будут всегда – пока только они будут существовать – во вражде с управляемыми! Как будто бы у людей, стоящих у власти, даже если они искренни, не будет своих собственных взглядов, которые они будут стараться провести в жизнь! Эти взгляды могут быть хорошими, но могут быть и дурными. Если бы они растворились в массе, они остались бы без влияния, но, если в руках их сторонников находится власть, они будут силой навязаны тем, кто с ними не согласен. И чем искреннее будут стоящие у власти люди, тем безжалостнее они будут по отношению к своим противникам, потому что они будут убеждены, что работают на пользу человечества.

Мы уже видели в одной из предыдущих глав, что наше политическое рабство зависит от нашего экономического положения; если у нас существуют жандармы, судьи, министры и т. п., то это оттого, что у нас есть банкиры, собственники и т. д., – одно неразрывно связано с другим. Если нам удастся свергнуть тех, кто эксплуатирует нас в мастерской, если мы избавимся от тех, кто морит нас голодом, то не будет надобности и в силе, которая бы их

защищала, и существование этой силы станет совершенно бесцельным.

В настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы их издавали, судьи, которые бы их прилагали, полиция, которая бы заботилась об исполнении решений судей, потому что люди, захватившие себе все, нуждаются в силе, чтобы защищаться против требований тех, кого они ограбили. Но рабочий, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счет и не приносящая ему никакой пользы, кроме разве того, что она напоминает ему, что у него есть всего одно право: **право умереть с голоду посреди созданных им богатств.**

В мрачные дни народных восстаний, когда обострившаяся нужда заставляет рабочие массы выйти на улицу, перед ними опять-таки встают те же «общественные» учреждения и опять-таки загораживают ему путь к лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить их и ни в каком случае не создавать новой аристократии, у которой будет всегда только одна цель: как можно лучше и как можно скорее воспользоваться жизнью на счет своих «облагодетельствованных» поданных. Но все ли нам равно, какая рука нас бьет: мы хотим, чтобы нас больше совсем не били.

Не будем забывать, что, каким бы именем не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какие бы поправки в нее не вносили, как бы не вербовались входящие в состав правительства личности, – всегда будет два возможных случая: или её решения будут иметь силу закона и будут обязательными для всех – тогда для поддержания этих законов ей будут нужны все учреждения, существующие теперь, и тогда нужно отказаться от мысли быть свободными; или же личности будут иметь право обсуждать правительственные решения, соблюдать их, если им это нравится, и не обращать никакого внимания на власть, если они этого не хотят – тогда мы остаемся вполне свободными, но правительство становится бесполезным: оно в таком случае только лишняя помеха и лишняя угроза.

Вывод из этого может быть только один: нам не нужно никакого правительства.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:07:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 8 июля 2025 17:08:15